Мои воспоминанія о Турецкой кампаніи 1828 года.

Чуть не полвѣка прошло, а мнѣ кажется, что это было вчера. Въ 1828 году 10 Сентября, во время осады крѣпости Варны, меня командировали, съ стрѣлковымъ взводомъ роты Его Величества лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, дѣлать туры для брешъ-батарей. Я выбралъ мѣсто въ виноградникахъ, которые изобилуютъ кругомъ крѣпости. Стрѣлки, оборвавъ весь великолѣпный виноградъ, утолили жажду (въ 8 часовъ утра было 41 градусъ и кромѣ виноградниковъ никакой тѣни; по принятому обыкновенію, лучшія кисти были поднесены мнѣ), и потомъ начали быстро плесть туры. Для меня сдѣлали они маленькій шалашикъ, въ которомъ я прилегъ, восхищаясь великолѣпнымъ видомъ раскинутой на большомъ пространствѣ крѣпости съ ея красивыми минаретами и садами. Вдали Черное море, покрытое нашими линейными могучими кораблями, которые обстрѣливали крѣпость; на кораблѣ «Парижъ» находился самъ Государь и руководилъ осадой. При громѣ пушекъ я вспомнилъ Петербургъ, Москву, родныхъ, милыхъ сердцу, мечталъ схватить крестъ. О смерти и ранахъ никто не думалъ, хотя сотни раненыхъ проносили мимо насъ. Я совершенно погрузился въ мечты, какъ вдругъ былъ пробужденъ знакомымъ голосомъ [1]) великаго князя Михаила Павловича; онъ командовалъ гвардіей, которая входила въ составъ осаждающихъ войскъ, подъ начальствомъ графа М. С. Воронцова. «Прапорщикъ Еропкинъ, сдайте туры саперному офицеру и передайте мое приказаніе генералу Фрейтагу, чтобы 1-й батальонъ, отобѣдавъ, немедленно отправился бы въ гавань, гдѣ его посадятъ на корабль и переправятъ къ генералу Бистрому». Адъютантъ великаго князя, полковникъ И. Г. Бибиковъ, обратился ко мнѣ съ просьбой подѣлиться съ нимъ виноградомъ. «Бибиковъ, берегись, а то умрешь поносною смертью», пошутилъ Его Высочество.

Я немедленно собралъ команду и отправился къ генералу Фрейтагу [2]) передать приказаніе великаго князя. Полковой командиръ тотчасъ отправилъ адъютанта къ его высочеству доложить, что, въ виду предстоящаго сраженія, онъ самъ поведетъ батальонъ. Къ ве-

---

[1]) Его Величество и Его Высочество лично меня знали, такъ какъ я былъ выпущенъ въ офицеры изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

[2]) Нашъ полковой командиръ, извѣстный своей храбростью, получившій Георгія, Владиміра съ бантомъ, золотую саблю, служа въ арміи въ чинѣ поручика, въ 1807 году.

черу насъ посадили на 44 пушечный фрегатъ (имени его не упомню). Моряки, какъ всегда, приняли насъ радушно, предупредивъ, что во избѣжаніе послѣдствій качки (осенью Черное море очень бурливо) слѣдуетъ выпить рому и закусить икрой, что мы сдѣлали исправно; но отъ качки не спаслись: исключая князя С. И. Мещерскаго, мы все время пролежали и утромъ едва могли сойдти на берегъ. Это было 14-го Сентября. На другой день мы отдохнули; а 16-го, къ 12 часамъ утра, стали на позицію. У генерала Бистрома было около 7000 пѣхоты и три батареи. Цѣлый Турецкій корпусъ въ 30,000, подъ командою Омеръ-Вріони-паши, бросился на наши редуты. Нашъ батальонъ былъ отряженъ отъ главныхъ силъ, чтобы помѣшать непріятелю обойдти нашъ лѣвый флангъ и ворваться въ Варну; намъ была извѣстна важность нашего порученія.

Черезъ часъ послѣ занятія позиціи, цѣлая туча Турецкой кавалеріи, приблизительно въ 4000, бросилась на насъ со всѣхъ сторонъ; въ одно мгновеніе построилось каре; мы подпустили Турокъ на 200 шаговъ и изъ кремневыхъ ружей приняли ихъ батальнымъ огнемъ. Они отъѣхали обратно, внѣ ружейнаго выстрѣла. Когда эта масса неслась на насъ съ крикомъ «аллахъ», батальонный командиръ, дѣлавшій походъ двѣнадцатаго года, полковникъ Зайцевъ сказалъ: «Ребята, не бойтесь Турецкаго аллаха, мы имъ покажемъ Русскаго штыка». Турки, видя, что съ каре ничего не подѣлаешь, спѣшили нѣсколько сотъ человѣкъ, которые, засѣвъ въ кусты, стрѣляли по насъ безнаказанно. Не имѣя при себѣ ни артиллеріи, ни кавалеріи, мы не могли выслать своихъ стрѣлковъ: непріятельская кавалерія тотчасъ уничтожила бы ихъ. Въ такомъ положеніи мы простояли часа два, соблюдая, чтобы люди, по мѣрѣ убыли, смыкались плотнѣе. Генералъ Фрейтагъ собралъ военный совѣтъ и обратился къ солдатамъ: «Ребята, вспомните Кагулъ, гдѣ противъ десятерыхъ былъ одинъ; потомки Кагульцевъ, умремъ, но не сдадимся», и съ барабаннымъ боемъ, съ криками ура, мы бросились въ штыки. Сначала Турки побѣжали; но, видя нашу малочисленность, вернулись и вновь бросились въ атаку. Первыми пали генералъ Фрейтагъ и батальонный командиръ Зайцевъ, много офицеровъ ранено и контужено. По командѣ флигель-адъютанта князя С. И. Мещерскаго, мы снова построили каре и подъ напоромъ непріятельской кавалеріи стали отступать шагъ за шагомъ, отстрѣливаясь, и заняли прежнюю позицію. Наше положеніе было опасно. Турки стали насъ окружать стрѣлковой цѣпью, и мы готовились умереть, подобно шести ротамъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка [3]). Вдругъ прискакали 4 орудія Донской конной артиллеріи, которыя быстро снялись съ передковъ и открыли батальный огонь картечью и гранатами. Въ это время была отбита атака на наши главныя позиціи, и батальонъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка показался развернутымъ фронтомъ. Турки бѣжали. Прискакавшіе съ генераломъ Акинѳіевымъ, пятьдесятъ лейбъ-

[3]) Которыя, при рекогносцировкѣ, попавши въ засаду, не сдались, а были почти всѣ изрублены; израненный знаменщикъ сохранилъ знамя.

казаковъ, бросились ихъ преслѣдовать. Сраженіе продолжалось отъ 12 часовъ дня до 7 часовъ вечера, при 40 градусахъ жары; отъ пороха и дыма языкъ пересохъ. Составивъ ружья, мы помолились Богу, поплакали надъ убитыми, особенно о Фрейтагѣ и Зайцевѣ, которые были истинные отцы-командиры. (Тѣла ихъ сохранили въ каре). Въ 8 часовъ вечера отправился я въ цѣпь.

На другой день Государь Николай Павловичъ, который видѣлъ все дѣло съ корабля «Парижъ», прислалъ генералъ адъютанта Дибича благодарить полкъ, всѣмъ оставшимся офицерамъ пожаловалъ награды [4]; на каждую роту осмнадцать Георгіевскихъ крестовъ.

Сраженіе 16-го Сентября было тѣмъ важно, что Омеръ-Вріоне не могъ ввести подкрѣпленій въ крѣпость, и черезъ нѣсколько дней Варна сдалась. Послѣ сдачи Варны, когда мы готовились въ нее вступить, Государь подъѣхалъ къ нашему батальону и, увидя горсть храбрыхъ (у насъ осталось по 12-ти рядовъ во взводѣ, а во второй ротѣ, которая составляла фасъ, подъ командою штабсъ-капитана В. И. Зальца, еще менѣе), изволилъ прослезиться, благодарилъ насъ и спросилъ меня: «Ты командуешь моей ротой; гдѣ же Комнено, Тутолминъ?»—«Раненъ, контуженъ, Ваше Величество, Титенко убитъ, Аржениковъ раненъ».

«Музыканты впередъ!» звучнымъ голосомъ скомандовалъ Государь, «къ церемоніальному маршу, по полувзводно, сомкнутой колонной, равненіе направо, скорымъ шагомъ!» И самъ Государь повелъ насъ въ покоренную Варну. Какъ теперь помню, играли маршъ изъ «Dame Blanche», который раздавался въ улицахъ крѣпости, заваленной трупами людей и животныхъ; христіане бросались на колѣни передъ Государемъ и кричали намъ: «братья, братья». До 2-го Октября мы отдыхали и отправились обратно въ Россію на зимнія квартиры близъ города Тульчина.

Очевидцемъ подвига лейбъ-гренадеровъ былъ ген.-адъют. графъ В. Ѳ. Адлербергъ, который состоялъ при особѣ Государя. Кромѣ него, въ настоящее время остались въ живыхъ участвовавшіе въ этомъ дѣлѣ: бывшій Петербургскій комендантъ, генералъ отъ инфантеріи В. И. Зальца, старѣйшій лейбъ-егерь Россійской Имперіи, Царскосельскій комендантъ П. А. Степановъ, служившій въ Павловскомъ полку А. А. Тулубьевъ, два дворцовыхъ гренадера золотой роты, Садовскій и Поліенко, раненый въ голову и тогдашній прапорщикъ лейбъ-гренадерскаго полка, нынѣ генералъ-маіоръ

Василій Еропкинъ.

*

Сейчасъ читалъ въ газетахъ, что подъ Горнымъ Дубнякомъ (12 Октября 1877) первые ворвались въ редутъ лейбъ гренадеры. Счастливая доля этого полка—отличаться въ Турецкихъ кампаніяхъ и стяжать себѣ неувядаемую славу какъ подъ Кагуломъ и Варною, такъ и подъ Горнымъ Дубнякомъ.

---

[4]) Я первый получилъ Анненскую саблю съ надписью «за храбрость».